

Прибывший в Петербург в 1736 г. датский моряк Педер фон Хавен записал, что «красивые каменные дома окрашены в желтый и белый цвет».²⁰⁶ Действительно, эти цвета наружной окраски встречались в петровском Петербурге чаще всего, хотя дома, выложенные кирпичом, оставляли и без штукатурки и окраски. Как бы то ни было, потребность в краске была большой. Ее привозили из-за границы и делали у себя, возможно, так, как описано выше в отступлении о ветряной мельнице. Деревянные (не брусовые) дома обшивали досками и поверху красили суриком или разрисовывали «под кирпич». Стены в домах из бруса получались ровными (как мы это видим в Домике Петра Великого), и поэтому краску наносили прямо на брус. Обшивка стен досками была традиционна: в указе о строительстве зданий в Адмиралтействе Петр 30 августа 1705 г. требовал от Меншикова, чтобы «сарай обить досками так, как мельницы ветреные обивают, доска на доску и у каждой доски нижний край обдородить и потом писать красною краскою».²⁰⁷

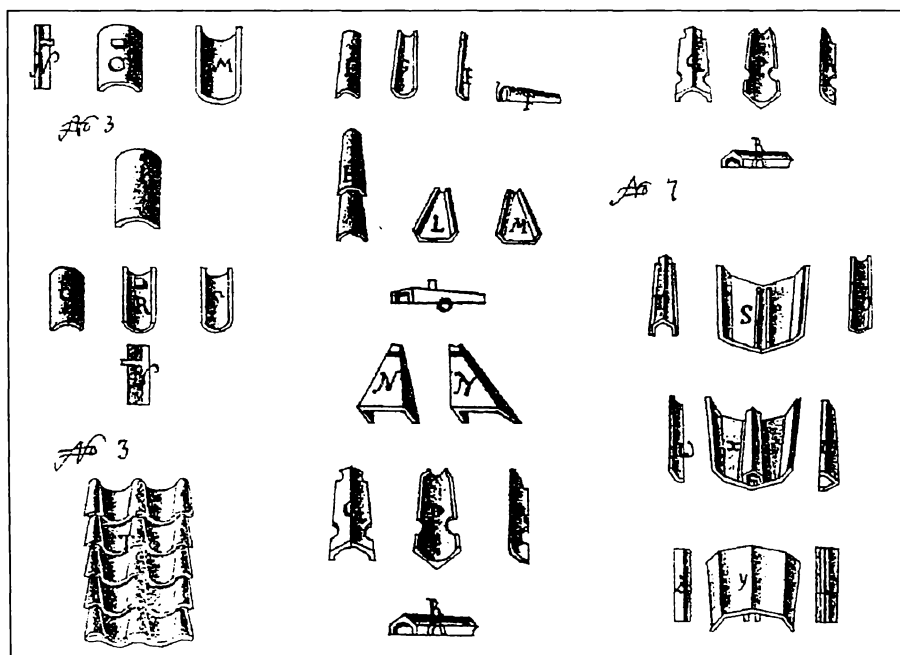
Мазанковые здания с лица и изнутри обязательно «мазали» глиной, «подмазывали» известкой, делали зачистку пемзой, а потом красили в белый цвет. Белили и внешние стены домов. При массовом строительстве

²⁰⁴ Алексеева М. А. Где находился дом живописца Ивана Никитина в Петербурге // ПЧ-96. С. 44.

²⁰⁵ См., например: Крашенинникова Н., Шилков В. Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки // Архитектурное наследство. М., 1955. Т. 7. С. 5—12; Велецкая Е. А. и др. «Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XX вв. М., 1961; Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII—XIX веках. М., 1984.

²⁰⁶ Хавен П. Путешествие в Россию. С. 309.

²⁰⁷ ПБП. Т. 3. С. 434.

Виды черепицы

домов на Котлине в 1723 г. было предписано: «С лица выбелить и в тех домах внутри зделать штукатурную работу».²⁰⁸ Белилами «живописцы» (так называли в то время маляров) покрывали рамы и другие элементы здания — галереи, крыльца, перила и балясины лестниц.²⁰⁹ Для работы на высоте, как при кладке стен, так и во время малярных работ, использовали так называемый подвальной лес, который скреплялся веревками.²¹⁰

Особо скажем о крышах. Красивы были дома, крытые красной черепицей волнообразного «галанского маниру». Так выглядело здание канцелярий на Троицкой площади и даже многочисленные нужники канцелярий.²¹¹ Как показали археологические раскопки, каждая черепица представляла собой лоток с отогнутым краем и имела выступ — «зуб», которым зацеплялась за край деревянной обрешетки крыши.²¹² Состоятельные люди жили под железной кровлей, выкрашенной суриком (отсюда название некоторых петербургских палат: «Красные»).²¹³ Железом были

²⁰⁸ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 21. Л. 468.

²⁰⁹ Там же. Оп. 4. Д. 591. Л. 70.

²¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 416. Л. 138.

²¹¹ Там же. Д. 25. Л. 84 об.

²¹² Шамардин М. В. Фонтаны начала XVIII в. в Летнем саду // ПКНО: Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 249—250.

²¹³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25. Л. 84 об.

покрыты крыши Летнего дворца, а также дворца Меншикова. Интересно, что на окраску крыши дома Павла Ягужинского на Дворцовой набережной потребовалось 50 пудов (800 кг) сурика, два пуда мумии, 22 ведра конопляного масла, 2 ведра олифы, вина 5 ведер и 30 кистей «большой руки». Вино, то есть водку, за некоторым понятным исключением, использовали в качестве разбавителя краски. И все это, как сказано в документе, делалось для того, чтобы крыша генерал-прокурора была непременно выкрашена так же, «как выкрашена кровля на полатах светлейшего князя»,²¹⁴ с которым Ягужинский во всем соперничал. Редко упоминается в документах свинцовая крыша. За 1729 г. известно донесение о работах в Большом дворце Петергофа («На Больших полатах свинцом все покрыто и упаяно»), ранее, в 1723 г., было отпущено 300 пудов свинца «для покрывки карниза» Большого грота в Летнем саду.²¹⁵ Примечательно, что «крыша купола» Госпиталя на Выборгской стороне была покрыта свинцом, хотя на саму крышу пошло 4000 листов «белого железа».²¹⁶

Портрет на фоне города

Неиловый генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский

Как и многие «птенцы гнезда Петрова», Павел Иванович Ягужинский начал службу денщиком Петра Великого. Должность денщика, чистившего до блеска царские сапоги, было для многих началом блестящей карьеры. Аккуратный денщик, сын польского органиста, превратился со временем в капитана гвардии, исполнителя многих сложных поручений Петра за границей. При этом Ягужинский оставался домашним человеком в семье царя, был доверенным в его самых тайных делах, исполнял весьма щекотливые поручения. С 1718 г. начинается государственная карьера Ягужинского. Царь предписывает ему следить за ходом государственной реформы и за порядком в высшем правительственном органе — Сенате, членов которого царь уподоблял «торговкам, на базаре галдящим».

Наконец, в 1722 г. Петр назначил Ягужинского на невиданную ранее должность генерал-прокурора, главного контролера империи, «ока государева». Петр абсолютно доверял ему. «Если Павел увидит что-то, — говаривал царь, — я узнаю истину с той же точностью, как если бы видел это сам». Ягужинский был человеком вспыльчивым и неуживчивым. Громогласный и решительный, часто нетрезвый, он не выбирал выражений и никого не щадил. Это как раз нравилось Петру, который сам мало считался с этикетом. Генерал-прокурор умело поддерживал в глазах окружающих свой образ прямого и бесстрашного защитника законности и, в общем, как это ни странно, таким защитником и был. Сила его

²¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 112.

²¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 70. Л. 7; Д. 39. Л. 6.

²¹⁶ Там же. Д. 356. Л. 159; Оп. 2. Д. 25. Л. 203.

П. И. Ягужинский.
Д. Г. Герасимов. 1766

была не только в близости к царю, но и в том, что он не воровал и поэтому оказался опасной белой вороной в толпе сереньких воров и воришек у трона.

Но больше всего он досаждал вору из воров — Меншикову, которого совсем не боялся и разоблачал с пеной у рта. Как только Петр умер, Меншиков и другие сановники лишили Ягужинского должности генерал-прокурора — кому же нужен на таком посту честный человек? Ягужинского отправили послом в Пруссию. Так была сломана карьера любимца Петра. Неудачно сложилась и его личная жизнь. По характеру Павел Иванович был человек компанейский. Остроумный рассказчик, неутомимый танцор, он был бесценным маршалом петровских ассамблей, которыми правил легко и весело. Ягужинский был мужчина красивый и нравился женщинам. С нескрываемой любовью пишет о

нем современница: «Его наружность прекрасна, черты лица неправильны, но очень величественны, живы и выразительны. Он высок и хорошо сложен. Манеры его небрежны и непринужденны... в нем столько естественного». Как выходец из низов, он женился на богатом приданом. Но счастья не было — жена сошла с ума, и ее помешательство на эротической почве сделало жизнь Ягужинского невыносимой. Несколько лет он безуспешно добивался развода, но высшие церковные иерархи терпеть не могли громкого разоблачителя пороков общества и долго не разводили супругов.

После смерти Петра Великого штоф с водкой стал главным утешителем и товарищем бывшего генерал-прокурора, а характер его испортился окончательно. Он стал вздорен и неуживчив, часто скандалил при императорском дворе. И когда в 1736 г. он умер, многие вздохнули с облегчением — уже никто не мог публично обзвать их ворами и ничтожествами.

Труд кровельщика был далек от нашего представления об этой шумной работе с деревянной киянкой. В те времена листы жести были небольшие в «аршин квадратной» (т. е. 71 x 71 см)²¹⁷ и назывались «белое железо»,

²¹⁷ Там же. Л. 9.

или «доски железные, тонкие». Расчеты показывают, что листы были действительно тонкие — 0,7 мм (современные — 0,5 мм). В 1724 г. приглашенный из Швеции кровельный мастер — «покрывальщик кровель медью и железом Константин Генекрей» (он же «Константин Енекрей», Неупеске) — для купола Исаакиевской церкви потребовал 2000 таких «досок», «да для припоя железных и свинцовых досок семь тысяч», да четыре пары ножниц «для обрезывания железных досок».²¹⁸ Из ведомости 1724 г. о приеме 4000 таких досок общим весом 640 пудов²¹⁹ следует, что каждый лист весил 2,5 кг. Листы вначале закрепляли (по-видимому, гвоздями) на деревянной основе крыши, а потом стыки их паяли прямо на крыше оловом, используя для припоя напатырь. В решении Городовой канцелярии за 1722 г. мы читаем: «...четырех мельниц кровли верхи сверх тесу обить белым железом и спаять оловом». Плотники бригады Максима Васильева в 1724 г. работали «при строении Исакиевской церкви» «у тески брусков на кровлю под железные доски и у отдирки старой кровли пильного тесу».²²⁰ «Листовым железом» крыли купола церквей, фасы, фланки и куртины Петропавловской крепости, в 1724 г. заново перекрывали Зимний дворец, причем было указано отправить двух «пояльщиков, понеже без них крышки крыть невозможно».²²¹ Для устройства желобов для стока воды с крыши дома Ягужинского в 1722 г. была отпущена «жесть двойная» и олово на пайку, а в Дальних Дубках желоба делали из свинца.²²²

Купола и шпили крыли иногда медными листами с позолотой («медными золочеными досками»), причем золотили их еще на земле, а затем поднимали наверх. Обычно на золочение куполов и некоторых архитектурных деталей шло золото в виде книжечек «битого золота» — золотой фольги, которую раскатывали из червонцев. В 1721 г. мастеру Ягану Питерштейнибесу, взявшемуся сделать «золочение медных листов, которыми обивать куполы и шпиц» Петропавловского собора, выдали из казны 1500 червонцев.²²³ Впрочем, никакие крыши в Петербурге не были надежны. Один из гостей князя Д. Кантемира, наслаждаясь обедом в его богатом доме, вдруг заметил, что его платье с одной стороны сверху до низу мокро. Это скопившаяся на крыше вода нашла себе ход и залила парадное платье расстроенного гостя.²²⁴

Люди победнее Меншикова, Ягужинского или Кантемира жили в домах, крытых потемневшей на воздухе дранкой («дранью»), гонтом (парными дощечками)²²⁵, а чаще белой берестой, которая отлично защищала

²¹⁸ Там же. Д. 44г. Л. 1303; Д. 47а. Л. 272.

²¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 61.

²²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 15; Оп. 2. Д. 33а. Л. 225.

²²¹ Там же. Д. 25. Л. 9; Оп. 4. Д. 14. Л. 50.

²²² Там же. Оп. 2. Д. 356. Л. 98; Д. 47а. Л. 331.

²²³ Там же. Д. 25. Л. 34.

²²⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 69.

²²⁵ Из документа 1721 г. следует, что четыре бревна длиной четыре сажени «разогнали» на 400 пар гонта. См.: РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 266. Л. 395 об.

от дождя, но не от пожара. Свежеободранную бересту укладывали в несколько слоев по дощатой основе, и с течением времени береста «сплачивалась» так, что образовывала сплошное водонепроницаемое покрытие. В документах петровского времени есть упоминания, что стыки берестяных полос заливали смолой.²²⁶ Гонтом крыли и казенные здания — в 1723 г. «на крышку» Госпиталя на Выборгской стороне отпустили 50 000 пар гонта, для Домика Петра на Городовой стороне — 6000 пар, а для кожевенных заводов — 5750 пар.²²⁷

Был и другой дешевый способ крыть дома. Из описания сараев Пороховых заводов, стоявших на Петербургском острове, видно, что эти сараи, в которых хранился порох, были покрыты «тесом в одну тесницу и на швах положены драницы». По-видимому, дранью крыли и другие подсобные помещения, однако тут оказалось, что деревянные крыши протекали, порох подмокал, и сараи вскоре «убили» железом.²²⁸

Впрочем, власти, как и в истории с деревянным строительством домов, были непоследовательны. С одной стороны, жестокими указами они запрещали крыть дома тесом и дранью (об этом указ 1711 г.),²²⁹ но, с другой стороны, воспрепятствовать этому не могли — не каждый был в состоянии купить предписанную ему черепицу или гонт. Впрочем, от летящих с пожарищ углей и головешек хорошо спасал рекомендованный в указах дерн. В хорошую погоду дерновые крыши многих домов напоминали зеленую лужайку — в то время было принято поверх бересты класть аккуратно срезанные пласты дерна, которые быстро срастались и придавали городским крышам яркий и свежий изумрудный цвет.

Отступление

Крыши-лужки

Теперь такие крыши можно увидеть на старинных сараях и домах только в дальних урочищах Норвегии. При этом не следует думать, что «лужки» на крыше напоминают стриженные ровные газоны. Никто, естественно, стрижкой «лужаек» не занимается, и издали берестяные крыши с дерном напоминают лохматые, нечесанные головы лесовика из мультфильма — стебли травы разной «кудрявости» придают крышам этим необыкновенно забавный, «взлохмаченный» вид, как и торчащие из копны «волос» ромашки. А первая желтизна осени кажется «сединай» в этих кудрях...

²²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 180.

²²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 37а. Л. 59—60; Оп. 4. Д. 39. Л. 306.

²²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 119 об.

²²⁹ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 138—139.